

Центральноазиатский трек инициативы «Пояс и путь»: возможности и риски¹

Р.Ю. Изимов, З.Т. Мураталиева

Изимов Руслан Юсупжанович – руководитель Программы евразийских исследований Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента РК – Елбасы; Республика Казахстан, 010000, Астана, ул. Бокейхана, д. 10; E-mail: iziruslan@mail.ru

Мураталиева Замира Тулкуновна – к.полит.н., доцент, ученый секретарь Института стратегического анализа и прогноза Кыргызско-Российско-Славянского университета; Кыргызская Республика, 720000, Бишкек, просп. Чуй 42; E-mail: nargi84@yandex.com

Более четверти века, с момента обретения независимости, большинство стран Центральной Азии, за исключением Туркменистана, последовательно реализуют главный принцип внешней политики – многовекторность. За прошедший период данная стратегия показала свою эффективность и незаменимость. Стремясь удерживать хрупкий баланс между интересами глобальных и региональных держав, Казахстан и другие страны региона и сегодня продолжают политику многовекторности. Однако нужно признать, что данная задача с каждым годом усложняется ввиду ужесточения конкуренции между региональными акторами. В этом плане особую роль играет появление и реализация китайской инициативы «Пояс и путь», которая объективно увеличивает зависимость стран региона от Китая.

В статье анализируется процесс появления и реализации китайской инициативы «Пояс и путь» в Центральной Азии. Авторы подробно описывают внешнеполитическую стратегию Пекина с появлением инициативы ОПОП с точки зрения ее основных компонентов в Центральной Азии.

Отдельно рассматривается сотрудничество Казахстана и Китая в рамках идеи стыковки Государственной программы инфраструктурного развития «Нурлы жол» на 2015–2019 гг. и ОПОП. С учетом долгосрочности указанного проекта даются прогнозы взаимодействия государств Центральной Азии с Поднебесной в рамках китайской инициативы.

Также затрагиваются вопросы дальнейшего сосуществования нескольких проектов на евразийском пространстве, в которых участвуют Казахстан и другие страны региона. В частности, авторы анализируют роль и место, отведенное китайскими властями России в стратегии ОПОП. Несмотря на официальные заявления властей, а также намечаемые планы, по большому счету Китай отводит России несущественное место в своей стратегии. Более того, предложив Москве указанные проекты строительства дорог, Пекин, судя по всему, рассчитывает отвлечь внимание России от собственных планов в Центральной Азии. На этом фоне наблюдается определенная ответная реакция Москвы, что наиболее ярко проявляется в стремлении России вновь продвигать проект «Большого евразийского партнерства».

Ключевые слова: китайская инициатива «Пояс и путь»; ОПОП; «Нурлы жол»; Казахстан; центральноазиатская стратегия; страны Центральной Азии; геополитика

Для цитирования: Изимов Р.Ю., Мураталиева З.Т. (2018) Центральноазиатский трек инициативы «Пояс и путь»: возможности и риски // Вестник международных организаций. Т. 13. № 3. С. 128–142 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-08.

---

¹ Статья поступила в редакцию в ноябре 2017 г.

Введение

Более четверти века, с момента обретения независимости, большинство стран Центральной Азии, за исключением Туркменистана, последовательно реализуют главный принцип внешней политики — многовекторность. За прошедший период данная стратегия показала свою эффективность и незаменимость. Стремясь удерживать хрупкий баланс между интересами глобальных и региональных держав, Казахстан и другие страны региона и сегодня продолжают политику многовекторности. Однако нужно признать, что данная задача с каждым годом усложняется ввиду ужесточения конкуренции между региональными акторами.

Появление и ускоренная реализация интеграционных инициатив, предложенных разными «центрами силы», все больше обнажает проблемные моменты и усиливает конкуренцию в регионе Центральная Азия. В этом плане китайская инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), несомненно, привнесла свою лепту в усиление конкуренции. С каждым годом ее реализации появляется все больше проблемных моментов. В этой ситуации Казахстану и другим участникам из числа центральноазиатских республик все сложнее удерживать хрупкий баланс сил.

На данный момент инициатива ОПОП явно перевесила все остальные проекты интеграции и многостороннего сотрудничества на пространстве Евразии. Как следствие, сегодня во внешнеэкономическом векторе практически всех республик Центральной Азии наблюдается определенный крен в сторону Китая. Это объясняется в первую очередь экономической привлекательностью китайской инициативы.

Более того, есть полное понимание того, что ОПОП — это грандиозный геополитический проект, предложенный руководством КНР, где центральная роль отводится странам Центральной Азии, в частности Казахстану.

Судя по высказываниям председателя КНР Си Цзиньпина [Си, 2017], а также по реализуемым на сегодняшний день мерам, выделяемым под данный проект финансам и многим другим аспектам, можно с уверенностью утверждать, что инициатива будет иметь долгосрочное действие.

И наконец, есть все основания полагать, что именно эта инициатива может стать стержнем или основным смыслом новой внешнеполитической стратегии КНР на евразийском пространстве или как минимум в Центральной Азии.

Все вышесказанное и обусловило активное участие стран Центральной Азии в китайской инициативе. Однако дальнейшие перспективы ОПОП на центральноазиатском направлении сталкиваются с рядом трудностей.

Исходя из этого в настоящей статье предпринимается попытка проанализировать нынешнее состояние китайско-центральноазиатского сотрудничества через призму реализации инициативы ОПОП. При этом особое внимание уделяется проблемным аспектам данного взаимодействия с учетом фактора конкуренции между разными центрами силы на евразийском пространстве.

Об истоках возникновения ОПОП

С начала 2000-х годов китайские власти использовали формат Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) для плавного решения своих вопросов со странами Центральноазиатского региона (ЦАР). При этом, взаимодействуя с каждой из стран ЦАР, как в рамках ШОС, так и в двустороннем формате, Пекин практически всегда действовал с оглядкой на Россию. Но по мере дальнейшего углубления хозяйственных свя-

зей со странами Центральной Азии Пекин уже не мог ограничиваться исключительно форматом ШОС, которая позволила решить ключевые вопросы – пограничные споры. Дальнейшие перспективы ШОС исходили из задачи обеспечения эффективной диалоговой площадки между странами Центральной Азии, Россией и Китаем.

Знаковым стало появление в 2010 г. по инициативе Москвы нового интеграционного объединения – Таможенного союза (ТС) Казахстана, России и Белоруссии. Развитие ТС и становление полноценной организации в виде Евразийского экономического союза (ЕАЭС) подтолкнуло КНР к поиску более эффективных механизмов расширения своего влияния на западном направлении. Именно в этот момент, в 2013 г., впервые появляется идея о формировании «Экономического пояса Шелкового пути», которая впоследствии легла в основу создания нового формата – ОПОП [Си, 2014].

В Пекине понимали, что в условиях стабильного увеличения напряжения между Китаем и США, особенно в АТР, Поднебесная должна более серьезно рассматривать наземные коридоры в качестве будущей альтернативы доставки своих товаров в Европу.

Принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, китайские власти решили предложить собственный вариант макрорегиональной интеграции с китайской доминантой.

Казахстан как ключевой партнер в истории успеха

В сентябре 2013 г. Си Цзиньпин в рамках своего первого после избрания турне по странам Центральной Азии посетил Казахстан. Выступая в Назарбаев Университете китайский лидер неожиданно для наблюдателей предложил совершенно новую инициативу. В частности, в своей речи Си заявил: «С целью укрепления экономических связей, углубления сотрудничества и расширения пространства развития стран Евразии мы можем применять новую модель сотрудничества и *общими усилиями сформировать экономическую полосу шелкового пути...*» [Си, 2013]. Именно с этого момента началось масштабное обсуждение китайской инициативы.

Казахстан с самого начала выделялся Пекином в качестве ключевого звена в стратегии Шелкового пути. Предложенная китайским руководством новая инициатива в целом была ожидаема в Казахстане и в остальных республиках региона, так как за двадцать с лишним лет сотрудничества со странами Центральной Азии *Китай не представлял каких-либо конкретных документов, определяющих его внешнеполитическую или экономическую стратегию в отношении региона*. В этой связи Пекин должен был обозначить свои цели и задачи в регионе в концептуальном виде, и ОПОП как раз стала такой инициативой.

Выбор Казахстана неслучаен. По мнению китайских властей, именно Казахстан является наиболее стабильной республикой региона, обладающей политическим и экономическим потенциалом, чтобы стать полноценным партнером Китая в его новой инициативе.

Выделяя преимущества Казахстана, руководство Китая особо отмечало следующие факторы:

- *Транзитные возможности*. Обширная территория Казахстана позволяет проецировать различные транспортные проекты с выходом на Россию, Каспийское море и Кавказ, Иран и Персидский залив, центральноазиатские страны и Индию.
- *Стабильная политическая ситуация*. В отличие от других республик Центральной Азии Казахстан на протяжении многих лет остается политически стабильным.
- *Благоприятный инвестиционный климат* [Ли, 2014].

Кроме того, китайские эксперты полагают, что в деле реализации инфраструктурных проектов Пекин может полностью рассчитывать на Казахстан как страну, которая:

- *С одной стороны*, может стать посредником в деле прокладки наиболее рентабельных и выгодных маршрутов через территорию Казахстана, Туркменистана, Азербайджана и Турции в Европу. Имея возможность тесной координации с указанными странами в рамках Совета сотрудничества тюркоязычных государств, Астана может договориться с Анкарой и другими странами для претворения в жизнь проектов в транспортной сфере.

- *С другой стороны*, именно Казахстан может оказать содействие в получении лояльности Москвы в реализации проектов ОПОП на территории Центральной Азии. Но важным условием должно стать исключение попыток со стороны Пекина действовать «за спиной Москвы».

Более того, Казахстан, по мнению китайских властей, имеет еще одно важное преимущество: это мудрое и опытное руководство, которое проводит дальновидную внешнюю политику. Учитывая все эти факторы, китайские власти выбрали Казахстан в качестве ключевого партнера и звена во всех проектах, реализуемых на западном направлении ОПОП.

Новый импульс для сотрудничества

Казахстан и Китай тесно сотрудничали задолго до появления инициативы ОПОП. Нельзя не отметить тот факт, что казахстанской стороне удалось переломить одну из главных негативных тенденций во взаимодействии с Китаем — сырьевую направленность. Долгое время, с 1997 г., сотрудничество Казахстана и Китая носило почти полностью сырьевой характер. Основными статьями двусторонней торговли были экспорт нефти, газа и полезных ископаемых.

Но именно в соответствии с новыми задачами, которые ставились перед ОПОП, казахстанско-китайское взаимодействие получило новый импульс.

Как следствие, сегодня сотрудничество охватывает огромное количество проектов в реальном секторе экономики, предусмотрены и строятся промышленные объекты, а также, что немаловажно, при содействии Китая строятся и модернизируются гидротехнические сооружения. В частности, крупнейшие программы экономического развития республики сегодня так или иначе связаны с Китаем. Еще в конце 2014 г. Казахстаном была разработана Государственная программа инфраструктурного развития на 2015–2019 гг. «Нұрлы жол», специально инициированная для того, чтобы удачно вписаться в проекты, реализуемые китайской стороной в рамках ОПОП [Сыроежкин, 2016]. С тех пор появилось большое количество проектов в реальном секторе экономики.

Одним из ключевых программных документов, регламентирующих экономические отношения Казахстана и Китая на данном этапе, является казахстанско-китайская инвестиционная программа сотрудничества, которая предполагает перенос производственных мощностей с территории Китая на территорию Казахстана (51 проект).

Изначально Казахстан и Китай договорились по 51 проекту на общую сумму 26,2 млрд долл. США [Zakon, 2016]. В течение нескольких лет на территории Казахстана при содействии крупных китайских компаний будет построено и модернизировано 51 предприятие в химической промышленности, горно-металлургическом секторе, машиностроении, инфраструктуре, энергетике, агропромышленном комплексе, легкой промышленности, нефтепереработке, производстве стройматериалов и в информационных технологиях.

Новые предприятия будут открываться практически во всех регионах Казахстана: в СКО, ВКО, Алма-Атинской области и в ЮКО. Несколько проектов уже осуществлены: в частности, в Павлодарской области проведена модернизация установки производства порошкового полипропилена и др.

Помимо расширения производства предусмотрено строительство новых транспортных путей. Строительство на обширной территории Казахстана новых транспортных артерий и модернизация старых полностью отвечают интересам республики. При тесном взаимодействии с Китаем и под «флагом» реализации инициативы Шелкового пути есть возможность значительно расширить транзитный потенциал Казахстана.

Уже сегодня высокие технологии позволили значительно сократить расстояние между тихоокеанскими портами и странами Европы через наземные коридоры. Транспортировка через сухопутные маршруты позволяет почти вдвое сократить время в пути.

Как видно, в целом участие Казахстана в ОПОП дает ощутимые результаты: развивается транспортный и промышленный потенциал, решаются социальные задачи и т.д. В то же время реализация ОПОП наряду с возможностями также сопряжена с рядом реальных рисков и вызовов.

Динамика и вызовы на центральноазиатском направлении

Частота встреч лидеров стран региона с китайским руководством показывает, насколько отношения с Китаем стали значимыми для стран региона. Если рассматривать каждую страну в отдельности, то, безусловно, наиболее тесно с Поднебесной сотрудничают Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан.

Вместе с тем в последние полгода в отношениях Китая и Узбекистана также наблюдаются резкие импульсы, и уже видны первые результаты.

Среди экспертов считается, что Кыргызстан и Таджикистан больше остальных стран зависят от Китая и выделяемых им кредитных ресурсов. Так, СМИ приводят следующие данные: около половины внешнего долга Кыргызстана приходится на Китай [Хасанова, 2017].

Несмотря на отсутствие точных данных, тревожной является другая тенденция — резкий и стремительный рост долга перед Китаем. Так, по данным кыргызских СМИ, еще в 2011 г. Кыргызстан должен был КНР всего 272 млн долл. США. А уже по итогам 2016 г. эта сумма увеличилась в 5 раз и составила около 1443,8 млн долл. США [K-News, 2016].

Кроме того, продолжаются переговоры о создании Кыргызско-Китайского фонда развития со 100%-й долей капитала КНР [Акчабар Print, 2017]. Если фонд будет создан, Пекин выделит Кыргызстану 1 млрд долл. США [Gezitter, 2017]. Экс-президент КР А. Атамбаев во время саммита «Один пояс, один путь» в мае 2017 г. заявил, что Кыргызстан готов к сопряжению национальной программы «Таза коом» с цифровым Шелковым путем [Атамбаев, 2017]. В связи с тем что данный путь реализуется китайской стороной, потенциальным исполнителем проекта может стать компания China Telecom.

Место и роль Кыргызской Республики в китайской инициативе «Пояс и Путь» обуславливаются реализацией конкретных проектов в сфере транспорта, а также долгосрочными интересами в сфере безопасности.

Кыргызстанский трек ЭПШП отличается от остальных тем, что Кыргызстан как член ВТО является одним из ключевых торговых коридоров для выхода Китая к странам Запада. И именно неразвитость транспортных коридоров во многом сдерживает процесс дальнейшего углубления сотрудничества в торговой сфере. Исходя из этого под «соусом» реализации глобальной стратегии «Пояс и Путь» китайской стороной ставится задача построить железную дорогу «Китай — Кыргызстан — Узбекистан». Ска-

занное предопределяет, что строительство данной железнодорожной магистрали в ближайшие годы перейдет в практическую стадию.

В Таджикистане ситуация практически аналогичная с КР, и половина внешнего долга также приходится на Китай [Бондаренко, 2016]. В 2016 г. КНР по объему вложенных в экономику Таджикистана инвестиций заняла первое место, обойдя Россию. Объем китайских накопленных прямых инвестиций достиг 1,6 млрд. долл., или 30% от общего объема накопленных инвестиций, размер которых составляет около 3,08 млрд долл. За 2016 г. прямые инвестиции из КНР в Таджикистан составили порядка 255 млн долл., то есть 71,8% от общего объема инвестиций за данный период. За первые три месяца 2017 г. на долю КНР пришлось 58,2% от общего объема всех зарубежных инвестиций, что в денежном выражении составляет 76,6 млн долл. [ИА Азия-плюс, 2017].

Ясно, что эти две республики, как и все другие страны, пытаются использовать возможности, которые дает Китай. Однако масштабы экономик Кыргызстана и Таджикистана таковы, что выделяемые Китаем кредитные деньги, естественно, составляют большую часть ВВП этих республик. И на этом фоне создается впечатление о тотальной зависимости от Поднебесной.

Мы полагаем, что углубление связей КР и РТ с Китаем, особенно с учетом общей границы с ним, – это естественный процесс. В то же время тревожными являются такие темы, как углубление связей с Китаем в военной сфере, что мы наблюдаем в Таджикистане, а также тема аренды земли.

В китайско-узбекских отношениях происходят достаточно стремительные изменения. Политика, которую проводит нынешний лидер Узбекистана, сильно контрастирует с политикой прежнего руководства.

Судя по всему, политика так называемой равноудаленности – так характеризовали свою политику узбекские власти [Фурстенберг, 2017] – постепенно трансформируется. Известно, что Ислам Каримов старался сохранить баланс во внешней политике. В истории независимого Узбекистана были периоды определенных реверансов в сторону Запада до 2005 г., а также в сторону России. Но никогда узбекская политика не отличалась сближением с Китаем. По этому вопросу у Ташкента всегда была четкая позиция, суть которой состояла в ограничении китайского влияния и присутствия в республике.

Сегодня есть все основания полагать, что китайский вектор внешнеэкономической деятельности РУ усиливается, и происходит это в первую очередь по желанию Ташкента.

В мае 2017 г. состоялся первый визит президента Узбекистана Шавката Мирзиёева в Китай, по итогам которого впервые было подписано более 100 соглашений на общую сумму в 20 млрд долл. (Это достаточно большая цифра, учитывая, что по итогам 2016 г. общий объем торговли между РУ и КНР составил 4,2 млрд) [Мирзиёев, 2016]. В том числе китайский капитал привлекается в такие сектора, как нефтепереработка, химическая промышленность, инфраструктурные проекты, а также в сферу гидроэнергетики. Как сообщают узбекские СМИ, китайская сторона будет содействовать в строительстве девяти новых и модернизации пятнадцати гидроэлектростанций, что позволит Узбекистану дополнительно вырабатывать до 5,25 млрд кВт·ч электроэнергии в год.

Конечно, в целом реализуемая новым руководством РУ политика более открытого сотрудничества с глобальными и региональными державами давно назрела и полностью соответствует реалиям сегодняшнего дня. Однако здесь узбекской стороне важно не допустить чрезмерного влияния Китая и попытаться сохранить баланс.

При этом важно понимать, что китайская сторона в определенной степени пытается снизить так называемую монополию Казахстана на роль основного и единственного

транзитного хаба и ключевого партнера Китая в регионе. Именно с целью «разбавить» влияние и роль Казахстана в Центральной Азии китайские власти принимали решение построить четвертую ветку газопровода по новому маршруту – в обход Казахстана.

Инициатива преследовала цель связать Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан одним проектом. Однако данная идея оказалась трудновыполнимой. Так, сроки сдачи проекта давно прошли, а строительство участков в Таджикистане, Кыргызстане и Узбекистане все еще не завершено. Более того, на отдельных участках работа даже еще не началась [Изимов, 2016].

Теперь китайская сторона продвигает другой, не менее амбициозный, проект железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан. Выступая в Пекине, Ш. Мирзи-ев заявил, что Узбекистан заинтересован в строительстве указанной железной дороги с дальнейшим ее соединением с дорогами Афганистана, Туркменистана и Ирана [Вэнь, 2017]. Руководство Кыргызстана, как известно, в целом поддерживает данный проект.

Таким образом, общая политическая воля ключевых участников проекта сегодня имеется. Но нерешенных вопросов еще много – это и ширина колеи, и условия финансирования и эксплуатации.

Следует отметить, что строительство данной железнодорожной ветки в целом не очень выгодно Казахстану, ведь она будет перетягивать часть грузопотока, который сегодня идет по территории РК. Но с другой стороны, реализация такого проекта создаст условия для здоровой конкуренции и будет способствовать улучшению условий на железнодорожных погранпереходах между РК и КНР.

Также стоит отметить, что определенное беспокойство по поводу расширения китайского влияния, в данном случае в контексте открытия 51 предприятия, существует, причем не только среди простых граждан, но и среди экспертного сообщества. Казахстанцы наблюдают непрерывное расширение китайского присутствия в экономике с конца 1990-х годов. Увеличение числа китайских компаний, работающих на территории Казахстана, вкпе с превращением КНР в глобальную экономическую державу, а также рост военной мощи Пекина создают настороженное отношение, что совершенно объективно.

Цели и задачи проекта Шелкового пути свидетельствуют о том, что он будет стремиться открыть границы для свободного перемещения товаров и людей между Китаем и Центральной Азией. Именно с этим обстоятельством более всего связаны определенные риски, так как складывается перспектива оказаться в тотальной торгово-экономической и миграционной экспансии со стороны восточного соседа.

В этом контексте ОПОП соприкасается с другим китайским проектом – «Зонай свободной торговли в рамках ШОС». Как известно, данное предложение Пекина было заблокировано Москвой, после чего китайские власти, возможно, сменили тактику, основываясь, прежде всего, на двустороннем сотрудничестве с каждой из центрально-азиатских республик. Известно, что на мероприятиях ШОС китайские власти вновь заявили о заинтересованности в создании ЗСТ в рамках ШОС [Штукина, 2015].

Несмотря на официальные заявления китайских властей о том, что КНР не претендует на мировое господство, Пекин, судя по всему, вполне серьезно намерен формировать альтернативный существующему мировой порядок. В финансовом плане Китай уже создает многосторонние финансовые структуры в виде Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ, совокупный капитал 800 млрд долл.). Вместе с тем Пекин уже «протокнул» идею Зоны свободной торговли со странами АТЭС и учредил Фонд Шелкового пути (капитал 40 млрд долл.). Решение геополитического аспекта китаеццентричного мира возложено на долгосрочную стратегию двух путей: на-

земного и морского. Именно данный нюанс, то есть расчет на долгосрочную политическую выгоду, будет определять вторичность для Китая экономической выгоды.

Исходя из сказанного, на первом этапе (предположительно до 5–7 лет) проекты в рамках стратегии ОПОП будут казаться исключительно выгодными для ее участников с точки зрения экономических дивидендов и реальной прибыли. В частности, китайские проекты в рамках указанной стратегии намного привлекательнее Транстихоокеанского партнерства (ТТП) или всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП). Но в долгосрочной перспективе эти проекты будут способствовать усилению зависимости от Китая (инвестиции, товары), с одной стороны, а также отдалению от западных политико-экономических структур — с другой.

Вместе с тем китайская стратегия, вполне вероятно, встретит серьезное сопротивление, причем не столько со стороны самих ее участников, хотя и это вполне ожидаемо (особенно на юго-восточном направлении), сколько со стороны США и их союзников. Отмечая риски китайской стратегии, авторитетный китайский специалист, генсек Боаоского азиатского форума Чжоу Вэньчжун, заявил, что необходимо готовиться к двум вызовам: геополитическому и риску в сфере международных финансов [Wang, 2015]. Другими словами, китайский эксперт намекает на то, что в среднесрочной перспективе Китай столкнется с теми же проблемами, с которыми сталкивались США при проведении своей политики в других регионах мира. В частности, рано или поздно встанет вопрос обеспечения стабильности в тех странах, в которые вкладываются большие инвестиции. А ОПОП предполагает многомиллиардные инвестиции в не очень стабильные в политическом и финансовом плане страны (*страны Юго-Восточной, Центральной и Южной Азии, Африки и Ближнего Востока*). Таким образом, китайскому руководству нужно быть готовым к применению силовых методов воздействия за пределами страны и, соответственно, к критике со стороны мирового сообщества.

Перечисляя потенциальные риски китайского проекта, следует отметить, что в современных условиях геополитическое влияние Пекина на страны региона резко повышается. Это связано с тем, что в условиях нарастания геополитического противостояния США и России, особенно на фоне западных санкций, эти державы рискуют упустить важные процессы в Центральной Азии. Воспользовавшись данной ситуацией, в ближайшее время китайская сторона может принять конкретные действия по реализации ОПОП, что мы и наблюдаем.

В то же время стоит отдельно отметить, что при рассмотрении ОПОП традиционно принято учитывать только внешние условия [Economist Intelligence Unit, 2015]. То есть политическую и экономическую ситуацию в Центральной Азии, готовность этих государств поддержать проекты, настрой и позицию России и других центров силы. Но, как представляется, нельзя забывать и о внутренней готовности, и главное — возможностях самой экономики КНР осилить столь грандиозный проект. Сегодня в Китае нашли необходимые финансы и специально для целей проекта ЭПШП и в целом стратегии ОПОП инициировали создание двух крупных финансовых учреждений — Фонда Шелкового пути и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций.

В то же время важно не забывать, что сейчас китайская экономика входит в опасный период своего развития и именно сейчас «экономическое чудо» Поднебесной может закончиться. По оценкам специалистов, по итогам 2017 г. китайская экономика также будет показывать высокий уровень государственного долга, а ситуация на фондовом рынке и рынке недвижимости в целом подтверждают наличие в китайской экономике фундаментальных проблем [CAA-Network, 2016].

Вместе с тем стоит учитывать такие внутренние факторы, как внутривластная борьба в Китае. Сможет ли команда Си Цзиньпина выстроить четкие задачи по практи-

ческой реализации долгосрочной стратегии в оставшееся время? Продолжат ли новые лидеры Компартии Китая начинания Си и его окружения? И вообще, может ли амбициозный Си Цзиньпин внести кардинальные изменения в систему перехода власти от поколения к поколению? Все эти вопросы напрямую влияют на успешность и стабильность ОПОП.

ОПОП во взаимодействии с другими проектами в регионе

Еще один момент подкрепляет опасения относительно китайского проекта. В частности, роль и место, отведенные китайскими властями России в стратегии ОПОП, все еще остаются неопределенными. Несмотря на официальные заявления властей, а также намеченные планы (скоростная железная дорога Пекин – Москва, автобан и др.), по большому счету Китай отводит России несущественное место в своей стратегии. Более того, предложив Москве указанные проекты строительства дорог, Пекин, судя по всему, рассчитывает отвлечь внимание России от собственных планов в Центральной Азии.

Как известно, изначально китайская сторона отводила Москве особое место в реализации ОПОП. Еще в 2013 г. в своей речи Си четко обозначил: «Мы готовы с Россией и странами ЦА, усиливая согласование и координацию, прилагать общие усилия к построению гармоничного региона» [Си, 2013]. В ответ Москва поддержала китайскую инициативу. Более того, в мае 2015 г. специально для этого было сделано совместное заявление о намерении запустить процесс сопряжения ЕАЭС и ЭПШП [Президент России, 2015].

Однако в настоящее время, судя по всему, позиция официальной Москвы, и особенно экспертного сообщества России, в отношении ОПОП несколько трансформируется. В частности, в процессе дальнейшего обсуждения перспектив участия в ОПОП российская сторона демонстрирует заинтересованность в новом формате. Выступая на Форуме в Пекине в мае 2017 г. президент России Владимир Путин снова стал продвигать идею о Большом евразийском партнерстве, в то время как идея о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП ни разу не была упомянута [Президент России, 2017].

Расставленные российским лидером акценты дают понять, что Москва готова участвовать в китайской инициативе, но уже не в рамках озвученного сопряжения, а в рамках более масштабной формулы евразийского партнерства. Так, Владимир Путин в своей речи в Пекине в мае 2017 г. заявил: «...считаю, что сложение потенциалов таких интеграционных форматов, как ЕАЭС, “Один пояс, один путь”, Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, способно стать основой для формирования большого евразийского партнерства. Именно с таким подходом мы считаем возможным рассматривать повестку дня, предложенную сегодня КНР» [Президент России, 2017].

Совершенно ясно, что в настоящее время отношения РФ и КНР носят характер взаимных уступок. Каждая из сторон заинтересована друг в друге в решении своих задач, а их конкурирующие взгляды несколько снижены. Но в долгосрочном геополитическом плане Китай и Россия остаются соперниками, а с учетом амбициозных планов КНР по формированию китаецентричного миропорядка эти державы, вероятнее всего, вновь станут непримиримыми конкурентами.

Хотя, как показывают последние договоренности, Китай продолжает работу в направлении сопряжения. Китай и ЕАЭС объявили о завершении переговоров по Соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве [ЕЭК, 2017].

Заключение

Появление и реализация инициативы «Пояс и путь», несомненно, придало заметный импульс сотрудничеству стран Центральной Азии и Китая. Появилось огромное количество новых проектов, в том числе в реальном секторе экономики, в транспортной сфере и т.д.

За небольшой промежуток времени с конца 2013 г. в рамках реализации программ и проектов указанной стратегии произошли большие изменения. В самом Китае за это время было создано более 50 научно-исследовательских центров, специализирующихся на Центральной Азии и в целом на изучении Шелкового пути [Belt and Road Database].

В странах Центральной Азии также появилось немало государственных и частных программ, призванных, образно говоря, «оседлать волну», связанную с реализацией проектов в рамках ОПОП.

Однако, как выяснилось, видение и подходы к сотрудничеству с Китаем у каждой из стран Центральноазиатского региона разные. Ясно, что каждая страна при выстраивании стратегии поведения с КНР исходит из собственных национальных интересов. Но такая разобщенность стран региона выгодна Пекину, который, договариваясь с каждым в отдельности, в итоге оказывается в выигрыше.

Между тем сам Китай и его внешнеполитическая и внешнеэкономическая политика находятся в процессе постоянного обновления или дополнения. В этом плане быстрый рост Китая с изменением механизмов проведения внешнеэкономической стратегии несет в себе определенные риски для его партнеров.

Находясь по соседству с КНР, Казахстан одним из первых ощущает изменения китайской политики. Процесс взаимодействия с Китаем сопряжен с рядом реальных рисков. Именно поэтому внешнеполитическая стратегия Казахстана опирается на принцип многовекторности. То есть Астана, активно включаясь в китайскую инициативу ОПОП, параллельно участвует в процессах евразийской интеграции, поддерживает механизм C5+1, а также тесно взаимодействует с европейскими партнерами.

В целом не только Казахстану, но и всем странам Центральной Азии сложно на равных сотрудничать с таким гигантом, как Китай. И дело не только в объемах и масштабах экономики Китая, но и в подготовленности кадров, работающих по нашему направлению.

В то же время, несмотря на определенные противоречия со стороны глобальных и региональных держав, реализация проектов под эгидой ОПОП идет полным ходом. Во многом это происходит благодаря мощной финансовой поддержке Китая.

Однако что будет с китайской инициативой после того, как Китай откажется от финансирования всех проектов подряд? В принципе, мы уже сегодня это наблюдаем. Ведь при всей необходимости имиджевой составляющей ОПОП китайская экономика не может себе позволить профинансировать все имеющиеся проекты.

Более того, как показывают последние исследования, у крупных инфраструктурных проектов, профинансированных Китаем в рамках ОПОП, есть один большой минус – низкая эффективность последующего управления [Golunov, 2017; Shepard, 2017]. Это приводит к перерасходу средств. В то же время западные эксперты указывают на возрастание политического влияния Китая в тех странах, где он финансирует проекты и программы [Por, 2016]. Исходя из этого ОПОП ведет к увеличению зависимости от Китая, что никому не нравится.

В целом вопросов по дальнейшей судьбе ОПОП на центральноазиатском направлении остается все еще немало. И здесь многое будет зависеть от комплекса факторов, включающих позицию и политику самих стран Центральной Азии, дальнейшее виде-

ние и подходы Китая, позицию и действия России как ключевого игрока в регионе, а также от активности других «центров силы».

Источники

Атамбаев А. (2017) Кыргызстан выражает готовность к сопряжению концепции «Один пояс – один путь» с «Таза коом». 15 мая. Режим дотупа: <http://kabar.kg/news/kyrgyzstan-vyrzhaet-gotvnost-k-sopriazheniiu-kontceptcii-odin-poias-odin-put-s-taza-koom-a.atambaev/> (дата обращения: 25.07.2018).

Бондаренко К. (2016) Внешний долг Таджикистана: растущие риски на фоне хрупкой стабильности. 12 октября. Режим дотупа: <http://cabar.asia/ru/konstantin-bondarenko-vneshnij-dolg-tadzhikistana-rastushhie-riski-na-fone-hrupkoj-stabilnosti/> (дата обращения: 26.07.2018).

Ван Г. (2015) Boao yazhou luntan mishu zhang zhouweozhong: Yidai yilu jianshe shouxian ying nachu xiangmu moban [Генеральный секретарь Форума Боао Чжоу Вэньчжун: для строительства «Пояса и пути» сначала нужно разработать шаблон проекта]. 23 марта. Режим дотупа: <http://finance.people.com.cn/n/2015/0323/c394778-26735349.html> (дата обращения: 27.07.2018) (на кит. яз.)

Вэнь С. (2017) Wuzibiekiesitanzongtong: tuidong zhongwu youhao hezuo geng shangceng lou [Президент Узбекистана: необходимо содействовать дальнейшему углублению дружественных китайско-узбекских отношений]. 10 мая. Режим дотупа: <http://oversea.huanqiu.com/article/2017-05/10635499.html> (дата обращения: 27.07.2018) (на кит. яз.)

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) (2017) Китай и ЕАЭС объявили о завершении переговоров по Соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве. 2 октября. Режим дотупа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-10-2017-5.aspx> (дата обращения: 27.07.2018).

ИА Азия-плюс (2017) Китай обошел Россию по прямым инвестициям в Таджикистан. Режим дотупа: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/economic/20170202/kitai-oboshel-rossiyu-po-pryamim-investitsiyam-v-tadzhikistan> (дата обращения: 26.07.2018).

Изимов Р. (2016) Китай и Туркменистан: региональное измерение. Центральноазиатское бюро аналитической журналистики. 17 августа. Режим дотупа: <http://cabar.asia/ru/ruslan-izimov-kitaj-i-turkmenistan-regionalnoe-izmerenie> (дата обращения: 26.07.2018).

Ли Т. (2014) Китай и Казахстан строят Экономический пояс Шелкового пути. 16 октября. Режим дотупа: <http://finance.eastmoney.com/news/1350,20141016434649817.html> (дата обращения: 25.07.2018) (на кит. яз.).

Мирзиеев Ш. (2016) Товарооборот между Узбекистаном и КНР в 2017 г. составит \$5 млрд. 13 мая. Режим дотупа: regnum.ru/news/2274429.html (дата обращения: 25.07.2018).

Президент России (2015) Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. 8 мая. Режим дотупа: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 26.07.2018).

Президент России (2017) Международный форум «Один пояс, один путь». 14 мая. Режим дотупа: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491> (дата обращения: 26.07.2018).

Си Цзиньпин (2013) Укреплять дружбу народов, вместе открыть светлое будущее. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете (полный текст). 16 сентября. Режим дотупа: <http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm> (дата обращения: 25.07.2018).

Си Цзиньпин (2014) Си Цзиньпин о государственном управлении. С. 385–395.

Си Цзиньпин (2017) Xi Jinping zai “Yi dai yi lu” guoji hezuo gaofei luntai kaimushi shangde yanjiang [Речь Си Цзиньпина на церемонии открытия Международного форума «Пояс и путь»]. 14 мая. Режим дотупа: http://news.xinhuanet.com/politics/2017-05/14/c_1120969677.htm (дата обращения: 25.07.2018) (на кит. яз.).

Сыроежкин Г. (2016) Геополитические проекты в Центральной Азии и роль Казахстана. 30 марта. Режим дотупа: <http://cabar.asia/ru/konstantin-syroezhkin-geopoliticheskie-proekty-v-tsentralnoj-azii-i-rol-kazahstana/> (дата обращения: 25.07.2018).

- Хасанова С. (2017) За время независимости Центральной Азии Китай превратился в ее главного экономического партнера. 22 сентября. Режим доступа: <http://саа-network.org/archives/10334> (дата обращения: 25.07.2018).
- Штукина Е. (2015) Китай предлагает создать зону свободной торговли в рамках ШОС. ТАСС. 15 декабря. Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/2527761> (дата обращения: 26.07.2018).
- Фурстенберг С. (2017) Узбекистан: Мирзиев хочет перемен, но справится ли он? 4 октября. Режим доступа: <http://russian.eurasianet.org/node/64796> (дата обращения: 26.07.2018).
- Акchabar Print (2017) Китай и Кыргызстан обсуждают создание фонда развития. 20 июля. Режим доступа: <https://www.akchabar.kg/news/kitaj-i-kyrgyzstan-obsuzhdayut-sozdanie-fonda-razvitiya/> (дата обращения: 25.07.2018).
- Belt and Road Database (с. а.) Режим доступа: <http://www.ydylcn.com/> (дата обращения: 26.07.2018) (на кит. яз.).
- Economist Intelligence Unit (2015) Prospects and Challenges on China's "One Belt, One Road:" A Risk Assessment Report. Режим доступа: https://iffo.org.hk/docs/default-source/Default/ge-one-belt-one-road-report-engversion_economistc63aa06efc2665b498f6ff0000d93771.pdf (дата обращения: 25.07.2018).
- Gezitter (2017) Рассматривается создание кыргызско-китайского фонда развития бизнеса. 7 июля. Режим доступа: <http://www.gezitter.org/politic/61380/> (дата обращения: 25.07.2018).
- Golunov S. (2017) Russian and Chinese Influences in Shared Borderlands. Январь. Режим доступа: <http://www.ponarseurasia.org/memo/russian-and-chinese-influences-shared-borderlands> (дата обращения: 26.07.2018).
- K-News (2016) Внешний долг Кыргызстана: сколько должны и что изменилось. 6 сентября. Режим доступа: <http://knews.kg/2016/09/foreign-debt-1992-2016/> (дата обращения: 25.07.2018).
- Lain S. (2017) Sarah Lain on the Chinese Investment in Central Asia // САА-Network, 5 июня. Режим доступа: <http://саа-network.org/archives/7200> (дата обращения: 26.07.2018).
- Pop I.I. (2016) Strengths and Challenges of China's "One Belt, One Road" Initiative. Centre for Geopolitics & Security in Realism Studies, 9 февраля. Режим доступа: http://www.cgsrs.org/files/files/publications_46.pdf (дата обращения: 26.07.2018).
- Shepard W. (2017) China's Challenges Abroad: Why The Belt & Road Initiative Will Succeed. 17 октября. Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2017/10/17/chinas-challenges-abroad-5-reasons-why-the-belt-road-will-succeed/#ce78a994a826> (дата обращения: 26.07.2018).
- Zakon (2016) Программа переноса мощностей КНР в РК включает 51 проект на \$26 млрд. 2 сентября. Режим доступа: <http://www.zakon.kz/4814888-programma-perenosa-moshhnostejj-knr-v.html> (дата обращения: 25.07.2018).

The Central Asian Track of the One Belt One Road Initiative: Opportunities and Risks¹

R. Izimov, Z. Muratalieva

Ruslan Izimov – Head, Eurasian Studies Programme of the Institute of World Economy and Politics under the Foundation of the First President of the Republic of Kazakhstan; Bokeyhan Str. 10, Astana, 010000, The Republic of Kazakhstan; E-mail: iziruslan@mail.ru

Zamira Muratalieva – PhD, Associate Professor, Scientific Secretary, Institute for Strategic Analysis and Forecast of the Kyrgyz-Russian-Slavic University; Chui Str. 42, Bishkek, 720000, The Kyrgyz Republic; E-mail: nargi84@yandex.com

Abstract

With the exception of Turkmenistan, Central Asian countries have consistently viewed foreign policy as a multivector activity since their independence more than 25 years ago. In the past, this strategy has shown its effectiveness and irreplaceability. Striving to maintain a delicate balance between the interests of global and regional empires, Kazakhstan and other countries in the region continue to pursue a multivector policy today. However, this task becomes more complicated year by year as competition between regional actors gathers pace. In that respect, the emergence and implementation of the Chinese One Belt One Road (OBOR) initiative, which objectively increases the dependence of countries in the region on China, plays a special role.

This article reviews the emergence and implementation of China's OBOR initiative in Central Asia. The authors set forth Beijing's foreign policy strategy with respect to the initiative in terms of its main components in Central Asia.

The cooperation of Kazakhstan and China is separately considered within the framework of the concept of linking the "Nurly Jol" state programme of infrastructural development for 2015–2019 and OBOR. Given the long-term nature of this project, forecasts are provided for the interaction of the Central Asian states with PRC within the framework of the Chinese initiative.

Additional issues relating to the coexistence of several projects in the Eurasian space, in which Kazakhstan and other countries of the region participate, are also considered. In particular, the authors analyze the role and place given by Chinese authorities to Russia within the OBOR strategy. Despite the official statements of the authorities or established plans (Beijing-Moscow high-speed railway, highway, etc.), China generally assigns an insignificant place to Russia in its strategy. Moreover, by offering road construction projects to Moscow, Beijing apparently expects to divert Russia's attention from its own plans in Central Asia. Against this background, there is a clear response from Moscow which is most evident in Russia's desire to actively promote the Greater Eurasian Partnership project.

Key words: One Belt, One Road; Chinese initiative; OBOR; Nurly Jol; Kazakhstan; Central Asian strategy; Central Asian countries; geopolitics

For citation: Izimov R., Muratalieva Z. (2018) The Central Asian Track of the One Belt One Road Initiative: Opportunities and Risks. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 3, pp. 128–142 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-08.

References

Akchabar Print (2017) China and Kyrgyzstan Discuss the Creation of a Development Fund, 20 July. Available at: <https://www.akchabar.kg/news/kitaj-i-kyrgyzstan-obsuzhdayut-sozdanie-fonda-razvitiya/> (accessed 27 July 2018) (in Russian).

---

¹ The editorial board received the article in November 2017.

- Asia-Plus (2017) China Outweighs Russia on Direct Investments in Tajikistan, 2 February. Available at: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/economic/20170202/kitai-oboshel-rossiyu-po-pryamim-investitsiyam-v-tadzhikistan> (accessed 27 July 2018) (in Russian).
- Atambayev A. (2017) Kyrgyzstan Expresses Readiness to Pair the Concept of “One Belt, One Road” with “Taza Koom,” 15 May. Available at: <http://kabar.kg/news/kyrgyzstan-vyrazhaet-gotovnost-k-sopriazheniiu-kontseptcii-odin-poias-odin-put-s-taza-koom-a.atambaev/> (accessed 27 July 2018) (in Russian).
- Belt and Road Database (c. a.) Available at: <http://www.ydylcn.com/> (accessed 27 July 2018) (in Chinese).
- Bondarenko K. (2016) Tajikistan’s External Debt: Growing Risks Against the Background of Fragile Stability, 12 October. Available at: <http://cabar.asia/ru/konstantin-bondarenko-vneshnij-dolg-tadzhikistana-rastushhie-riski-na-fone-hrupkoj-stabilnosti/> (accessed 27 July 2018) (in Russian).
- CAA Network (2016) Sarah Lane: Chinese Investment in Central Asia will Continue Despite Slowdown in Economic Growth, 5 June. Available at: <http://caa-network.org/archives/7200> (accessed 27 July 2018) (in Russian).
- Economist Intelligence Unit (2015) Prospects and Challenges on China’s “One Belt, One Road:” A Risk Assessment Report. Available at: https://iffo.org.hk/docs/default-source/Default/ge-one-belt-one-road-report-engversion_economistc63aa06efc2665b498f6ff0000d93771.pdf (accessed 27 July 2018).
- Eurasian Economic Commission (2017) China and the EEU Announced the Completion of Negotiations on the Agreement for Trade and Economic Cooperation, 10 February. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/en/nae/news/Pages/2-10-2017-5.aspx> (accessed 27 July 2018).
- Furstenberg S. (2017) Uzbekistan: Mirziyoyev Seeks Changes, but Will He Manage? 3 October. Available at: <http://russian.eurasianet.org/node/64796> (accessed 27 July 2018) (in Russian).
- Golunov S. (2017) Russian and Chinese Influences in Shared Borderlands. January. Available at: <http://www.ponarseurasia.org/memo/russian-and-chinese-influences-shared-borderlands> (accessed 27 July 2018).
- Gezitter (2017) The Creation of the Kyrgyz-Chinese Business Development Fund, 7 July. Available at: <http://www.gezitter.org/politic/61380/> (accessed 27 July 2018) (in Russian).
- Isimov R. (2016) China and Turkmenistan: A Regional Dimension, 17 August. Available at: <http://cabar.asia/ru/ruslan-izimov-kitaj-i-turkmenistan-regionalnoe-izmerenie/> (accessed 27 July 2018) (in Russian).
- K-News (2016) Foreign Debt of Kyrgyzstan: The Amount and What Has Changed (Schedule), 6 September. Available at: <http://knews.kg/2016/09/foreign-debt-1992-2016/> (accessed 27 July 2018) (in Russian).
- Khassanova S. (2017) During the Independence of Central Asia, China Has Become Its Main Economic Partner, 22 September. Available at: <http://caa-network.org/archives/10334> (accessed 27 July 2018) (in Russian).
- Lee T. (2014) China and Kazakhstan Build the Silk Road Economic Belt, 16 October. Available at: <http://finance.eastmoney.com/news/1350,20141016434649817.html> (accessed 27 July 2018) (in Chinese).
- Mirziyoyev (2016) The Trade Turnover between Uzbekistan and the PRC in 2017 Will Amount to \$5 Billion, 13 May. Available at: <http://regnum.ru/news/2274429.html> (accessed 27 July 2018) (in Russian).
- Pop I.I. (2016) Strengths and Challenges of China’s “One Belt, One Road” Initiative. Centre for Geopolitics & Security in Realism Studies, 9 February. Available at: http://www.cgsrs.org/files/files/publications_46.pdf (accessed 27 July 2018).
- President of Russia (2015) Joint Statement of the Russian Federation and the People’s Republic of China on Cooperation in Combining the Construction of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt, 21 July. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (accessed 27 July 2018).
- President of Russia (2017) “One Belt, One Road” International Forum, 14 May. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491> (accessed 27 July 2018) (in Russian).
- Shepard W. (2017) China’s Challenges Abroad: Why The Belt & Road Initiative Will Succeed, 17 October. Available at: <https://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2017/10/17/chinas-challenges-abroad-5-reasons-why-the-belt-road-will-succeed/#ce78a994a826> (accessed 27 July 2018).
- Shtukina E. (2015) China Proposes to Establish a Free Trade Area Within the SCO, 15 December. Available at: <http://tass.ru/ekonomika/2527761> (accessed 27 July 2018) (in Russian).

Syroezhkin K. (2016) Geopolitical Projects in Central Asia and the Role of Kazakhstan, 30 March. Available at: <http://cabar.asia/ru/konstantin-syroezhkin-geopoliticheskie-proekty-v-tsentralnoj-azii-i-rol-kazahstana/> (accessed 27 July 2018) (in Russian).

Wang G. (2015) Zhou Wenzhong Secretary-General of the Boao Forum: First We Need to Develop a Project Template for the “Belt and Road” Construction, 23 March. Available at: <http://finance.people.com.cn/n/2015/0323/c394778-26735349.html> (accessed 27 July 2018) (in Chinese).

Wen X. (2017) President of Uzbekistan: It Is Necessary to Promote Further Deepening of Friendly Chinese-Uzbek Relations, 10 May. Available at: <http://oversea.huanqiu.com/article/2017-05/10635499.html> (accessed 27 July 2018) (in Chinese).

Xi J. (2013) Speech by President Xi Jinping of the People’s Republic of China at the Nazarbayev University (full text), 16 September. Available at: <http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm> (accessed 27 July 2018).

Xi J. (2014) *The Governance of China*. Beijing: Foreign Languages Press, pp. 385–395.

Xi J. (2017) Speech at the International Forum “Belt and Road” Opening Ceremony, 14 May. Available at: http://news.xinhuanet.com/politics/2017-05/14/c_1120969677.htm (accessed 27 July 2018) (in Chinese).

Zakon (2016) The Programme of Transferring Industrial Facilities from the PRC to the RK Includes 51 Projects Worth \$26 Billion, 2 September. Available at: <http://www.zakon.kz/4814888-programma-perenosamoshhnostej-knr-v.html> (accessed 27 July 2018) (in Russian).